

592013

В О П Р О С Ъ

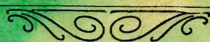
объ

единствѣ русскаго языка

передъ австрійскимъ военнымъ
судомъ въ Вѣнѣ въ 1915 году.

Научныя показанія проф. д-ра В. Вондрака
о сущности и роли русскаго литературнаго языка
по отношенію къ его нарѣчіямъ
∴ съ вводной замѣткой автора ∴
и съ предисловіемъ и примѣчаніями
проф. д-ра Ю. А. Яворскаго.

ЛВОВЪ, 1924.
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЖИВОЕ СЛОВО“.
ТИПОГРАФІЯ СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА
подъ управленіемъ А. И. Яськова.

Handwritten symbol resembling a stylized 'D' or '3' in the top left corner.

3
—
no

V.N. Katazin Kharkiv National University
00973166 6

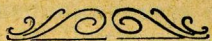

В О П Р О С Ъ

о б ъ

ЕДИНСТВѢ РУССКАГО ЯЗЫКА

передъ австрійскимъ военнымъ
судомъ въ Вѣнѣ въ 1915 году.

Научныя показанія проф. д-ра В. Вондрака
о сущности и роли русскаго литературнаго языка
по отношенію къ его нарѣчіямъ
∴ съ вводной замѣткой автора ∴
и съ предисловіемъ и примѣчаніями
проф. д-ра Ю. А. Яворскаго.

ЛЬВОВЪ, 1924.
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЖИВОЕ СЛОВО“.
ТИПОГРАФІЯ СТАВРОПИГІЙСКАГО ИНСТИТУТА
подъ управленіемъ А. И. Яськова.

64

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА ДРІ ХДУ
ІНВ. № 592013 ✓

Предисловіе.

Общерусская національная идея и ея естественный внѣшній символъ и выразитель — литературный русскій языкъ — подвергались издавна и планомѣрно среди русскаго населенія Прикарпатя всевозможнымъ преслѣдованіямъ и гоненіямъ со стороны бывшихъ австро-венгерскихъ властей, причемъ происходило это, конечно, не вслѣдствіе какихъ-нибудь внутреннихъ предосудительныхъ или вредныхъ ихъ свойствъ или тенденцій вообще, а просто и исключительно только благодаря тому, что тутъ-же рядомъ, въ качествѣ властно и неизбывно притягивающаго національнаго центра, существовала могучая, единокровная этому населенію — Россія, по отношенію къ которой разрушенная нынѣ габсбургская тюрьма народовъ всегда испытывала поэтому непримиримую, ревнивую вражду и слѣпой и неистовый страхъ. Помимо постоянныхъ и систематическихъ частныхъ преслѣдованій русской рѣчи, печати, культуры и даже самой мысли по себѣ, достаточно припомнить въ этомъ отношеніи хотя-бы только такіе болѣе выдающіеся и яркіе случаи общихъ судебно-политическихъ репрессій, какъ, на примѣръ, извѣстные процессы Ольги Грабаръ и тов. 1882 г., братьевъ Геровскихъ 1899 г., или, наконецъ, уже непосредственно наканунѣ войны, С. Ю. Бендасюка и тов. 1914 г., на которыхъ въ качествѣ главнаго подсудимаго привлекался именно общерусскій національный принципъ и литературный русскій языкъ, — чтобы составить себѣ объ этомъ уродливомъ и недѣльномъ извращеніи австро-венгерской государственной мысли надлежащее понятіе вообще.*)

Но если все-таки въ нормальныхъ и болѣе или менѣе сдержанныхъ условіяхъ мирнаго, конституціоннаго режима это изувѣрское извращеніе и оставалось еще съ грѣхомъ

*) Объ указанныхъ культурно-политическихъ процессахъ см.: Стенографическій отчетъ изъ судебной разсправы по дѣлу Ольги Грабаръ и тов., Львовъ, 1882; Стеногр. отчетъ изъ разбирательства кассационнаго суда въ Вѣнѣ (по тому-же дѣлу), Львовъ, 1883; П. А. Кулаковскій: Русскій языкъ и литература предъ судомъ въ Австро-Венгрии, Вильна, 1900; П. Е. Казанскій: Русскій языкъ въ Австро-Венгрии, Одесса, 1912; Судебный отчетъ по дѣлу С. Ю. Бендасюка и тов. — въ газ. „Прикарпатская Гусь“ за 1914 г. и др.

пополамъ въ предѣлахъ извѣснаго правового метода и порядка, то съ момента разразившейся вдругъ въ 1914 г. всемірной войны, сразу-же направившейся со стороны обезумѣвшей Австро-Венгріи почти исключительно противъ Россіи, проявилось оно уже въ такой дикой и безудержно-яростной формѣ, что трудно даже въ чужь повѣрить, чтобы въ наше правовое и культурное время былъ еще вообще возможенъ по отношенію къ своимъ собственнымъ, мирнымъ и ни въ чемъ неповиннымъ гражданамъ такой беззастѣнчивый и гнусный государственный произволъ и разбой. Тутъ уже, помимо всеобщаго и полнаго истребленія всей общественной и культурной русской застройки и жизни въ краѣ вообще, всякаго внѣшняго русскаго признака и слѣда даже съ лица родной земли, начались такія неистовыя и дикія оргіи, такой сплошной, чудовищный кошмаръ слѣпой и поголовной травли и хулы, какъ это могло имѣть мѣсто развѣ только въ самые мрачныя и лютыя моменты какихъ-нибудь изувѣрскихъ судорогъ отдаленнѣйшихъ старыхъ временъ. И многія-многія тысячи безвинныхъ мирныхъ людей, все преступленіе которыхъ заключалось единственно въ томъ, что они признавали себя русскими и оставались вѣрными своей завѣтной національной правдѣ и мечтѣ, были вдругъ объявлены, какъ государственные измѣнники и враги, внѣ всякаго закона и щита, а вслѣдъ за тѣмъ и подвергнуты сразу самымъ лютымъ и безчеловѣчнымъ надругательствамъ, гоненіямъ и мукамъ, — до массовыхъ арестовъ и мытарствъ по всевозможнымъ лагерямъ и тюрьмамъ и, наконецъ, безчисленныхъ и безпощадныхъ избіеній и казней, висѣлицъ и разстрѣловъ, включительно.*)

Въ ряду самыхъ возмутительныхъ и злостныхъ случаевъ этой чудовищной австро-венгерской расправы съ мирнымъ и неповиннымъ карпато-русскимъ населеніемъ особенно выдѣляется извѣстное вѣнское военно-судное дѣло по обвиненію въ государственной измѣнѣ семи галицко-русскихъ общественныхъ дѣятелей, съ депутатами парламента д-ромъ Д. А. Марковымъ и В. М. Курьловичемъ во главѣ. Представляя, въ сущности, — хотя, впрочемъ, и въ болѣе крупномъ и яркомъ масштабѣ, — только обычную, точную копію съ безчисленнаго количества другихъ подобныхъ дѣлъ тѣхъ жуткихъ дней, оно въ то-же время является особенно замѣчательнымъ и характернымъ

*) Подробнѣе см. объ этомъ: Талергофскій Альманахъ. Пропамятная книга австрійскихъ жестокостей, изувѣрствъ и насилій надъ карпато-русскимъ народомъ во время всемірной войны 1914—1917 гг. Вып. I. Львовъ, 1924.

въ данномъ отношеніи потому, что происходило оно, вѣдь, не въ суетныхъ и произвольныхъ мутяхъ какого-нибудь глухого, захоластнаго застѣнка, не въ какой-нибудь случайной и угарной обстановкѣ дикаго и буйнаго разгула разсвирѣпѣвшихъ жандармовъ или просто пьяной солдатни, а именно, словно въ рѣзкомъ и явственномъ фокусѣ, на самомъ виду, въ самомъ центрѣ государственной политики и жизни, въ полномъ блескѣ столичной мишуры и культуры, во всеоружіи державнаго правопорядка и суда.

Производилось это гнусное дѣло — или т. наз. первый вѣнскій русскій процессъ — передъ военнымъ дивизионнымъ судомъ ландверы (Landwehrdivisionsgericht) въ Вѣнѣ, въ продолженіе полныхъ двухъ мѣсяцевъ, съ 21 юня по 21 августа 1915 г., при предсѣдателѣ (Vorsitzender) оберстѣ Карлѣ Петцольдѣ, докладчикѣ-руководителѣ (Verhandlungsleiter) оберлейтенантѣ-аудиторѣ д-рѣ Робертѣ Пейтельшмитдѣ и военномъ прокурорѣ (Militär-Anwalt) оберлейтенантѣ-аудиторѣ д-рѣ Рудольфѣ Вундерерѣ, обычное же по тѣмъ лютымъ и безумнымъ временамъ обвиненіе въ государственной измѣнѣ было направлено противъ слѣдующихъ, арестованныхъ въ первые-же дни военной мобилизации, семи лицъ: депутатовъ парламента д-ра Д. А. Маркова и В. М. Курьеловича, присяжныхъ повѣренныхъ д-ровъ К. С. Черлянкаевича изъ Перемышля и И. Н. Драгомирецкаго изъ Золочева, корреспондента „Новаго Времени“ Д. И. Янчевецкаго и крестьянъ Ѳомы Дьякова изъ Вербѣжа и Гавріила Мулькевича изъ Каменки Струмидовой.

Если уже само внѣшнее и случайное объединеніе всѣхъ этихъ лицъ различныхъ группъ, круговъ и мѣстожителствъ подѣ однимъ и тѣмъ-же обвиненіемъ достаточно ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что послѣднее было наведено искусственно, вырывочно и зря и, стало быть, никакихъ конкретныхъ и фактическихъ основаній не имѣло, а относилось, главнымъ образомъ, только къ общей и свойственной всѣмъ подсудимымъ національной русской идеѣ и сущности вообще, — то на повѣрку, изъ цѣлаго хода этого позорнаго судилища, несмотря на всѣ ухищренія и подвохи самого обвиненія, становится уже совершенно очевиднымъ, что тутъ ни малѣйшаго признака или замысла даже, не то настоящей государственной измѣны, а хотя-бы только какого-нибудь мелкаго и косвеннаго политическаго проступка, и въ поминѣ не было и быть не могло. Такимъ образомъ, именно, въ бессильномъ сознаніи полного отсутствія какого бы то ни было состава преступленія, и весь ходъ самого разбирательства дѣла вращался, собственно говоря, въ пустую,

вокругъ однихъ только общихъ, идеологическихъ вопросовъ относительно русской національной идеи и литературнаго русскаго языка вообще, а естественной приверженности къ нимъ или т. наз. „руссофильства“ подсудимыхъ въ частности, причемъ, вмѣсто какихъ-нибудь документовъ, вещественныхъ доказательствъ и другихъ подобныхъ уликъ, на немъ фигурировали однѣ только безобидныя русскія газеты и книги, съ одной стороны, а частныя письма или даже открытки съ видами Россіи, съ другой. А впрочемъ, ничего больше и не нужно тутъ было для слѣпого и тенденціознаго австрійскаго правосудія войны, такъ какъ все дѣло сводилось въ концѣ концовъ къ тому, — какъ это сразу-же и прямо установлено было на самомъ судѣ, — что въ предѣлахъ Австро-Венгрии не было, нѣтъ и быть не можетъ никакого русскаго народа, а есть только одинъ вѣрноподанный „украинскій“ народъ, въ виду чего, конечно, всякій, кто лишь признаетъ себя русскимъ и считаетъ литературный русскій языкъ своимъ роднымъ, уже тѣмъ самымъ совершаетъ государственное преступленіе и является для государства завѣдомымъ предателемъ и врагомъ. И, какъ это ни невѣроятно и дико, этотъ злостный и коварный принципъ, замѣнивъ собою всѣ отсутствующіе факты и улики, являлся, именно, тѣмъ главнымъ и основнымъ мотивомъ, на которомъ ужъ заранѣе было построено и которымъ настойчиво орудовало все время обвиненіе, какъ въ лицѣ военнаго прокурора и членовъ суда, такъ и со стороны неизбѣжныхъ свидѣтелей-доносчиковъ изъ безсовѣстнаго Каинова отродья — „украинскихъ“ общественныхъ круговъ. — „Кто употребляетъ русскій языкъ, не можетъ быть хорошимъ австрійцемъ“, — эта нелѣпая и изувѣрская дилемма, цинически откровенно и прямо сформулированная однимъ изъ пресловутыхъ „украинскихъ“ свидѣтелей-экспертовъ, адвокатомъ д-ромъ Θ. Ваньомъ изъ Золочева, несмѣнно проникала все дѣло съ начала до конца, въ особенности же подчеркивалась на всѣ лады, примѣнительно къ отдѣльнымъ подсудимымъ, въ свидѣтельскихъ показаніяхъ почти всѣхъ другихъ достойныхъ соратниковъ послѣдняго, какъ-то: депутатовъ д-ра К. Левицкаго, д-ра Е. Петрушевича (впослѣдствіи „західно-украинскаго диктатора“), В. Будзыньовскаго, о. С. Онышкевича, В. Яворскаго и С. Витыка, профессоровъ д-ра К. Студинскаго и д-ра А. Колессы, адвоката д-ра Θ. Кормоша, сов. В. Ясеницкаго, редактора „Діла“ Я. Весоловскаго и другихъ.

А въ результатъ всего этого явнаго и завѣдомаго политическаго произвола, шантажа или бреда — „семь повѣ-

шенных“ въ виду, семь смертныхъ приговоровъ, которые только экстренно и случайно, благодаря своевременному и энергичному личному ходатайству испанскаго (!) короля, не были тутъ-же проведены, какъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ, до страшнаго, роковаго конца...*)

Не задаваясь здѣсь широкой цѣлью сколько-нибудь использовать или отобразить весь этотъ чудовищный военнополитическій процессъ самъ по себѣ, что уже въ виду громаднаго его размѣра — около 40 объемистыхъ томовъ машиннаго письма самого стенографическаго отчета — является пока, конечно, совершенно непосильной и праздной мечтой, мы считаемъ все-же своевременнымъ и нужнымъ, по крайней мѣрѣ, полностью извлечь изъ него для всеобщаго свѣдѣнія одинъ частный, но, бесспорно, самый существенный и важный эпизодъ, вокругъ котораго къ тому-же, какъ уже было указано выше, беспомощно вращался и весь этотъ процессъ вообще, а именно, обстоятельную научную экспертизу авторитетнѣйшаго представителя славяновѣдѣнія въ Австріи, профессора Вѣнскаго (нынѣ Брненскаго въ Чехіи) университета д-ра Вацлава Вондрака по вопросу о сущности и роли русскаго литературнаго языка вообще, а его отношеніи къ отдѣльнымъ русскимъ нарѣчіямъ въ частности. И хотя глубокая и блестящая экспертиза эта, являющаяся въ общемъ послѣднимъ и неоспоримымъ словомъ научнаго познанія и суда, и прозвучала въ чужбѣ, въ безумной и жестокой обстановкѣ военной грозы, совершенно напрасно и зря и, увы, не образумила нимало ничѣмъ неуобѣдимыхъ судей палачей, то, можетъ быть, все-таки нынѣ, въ болѣе уравновѣшенныхъ и чуткихъ условіяхъ вновь воспрянувшихъ культурныхъ цѣнностей и основъ, она и возымѣетъ въ данномъ отношеніи рѣшающій и дѣйственный успѣхъ. Тѣмъ болѣе, что она, идя совершенно въ разрѣзъ со всей общей и завѣдомой тенденціей не только австро-венгерскихъ властей вообще, но и самого даже суда, — не въ примѣръ угодливому и безотвѣтственному навѣтамъ и подлогамъ добровольнаго „украинскаго“ сыска, — представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ также и благороднѣйшій образецъ высокаго научнаго и гражданскаго мужества и нелицепріятія, котораго дорого могли обойтись самоотверженному ученому въ тѣ грозные, беспощадные дни, но за то не оставляютъ уже ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что каждое слово этого

*) Краткій обзоръ даннаго процесса см. въ статьѣ Е. Николаевича: Первый вѣденскій процессъ — въ „Календарѣ О-ва им. М. Качковскаго на 1920 г.“, Львовъ, 1919, стр. 130—134.

смѣлаго присяжнаго показанія было продумано и произнесено имъ въ высшей степени искренне и правдиво, не за страхъ, а за совѣсть, за научный и нравственный долгъ.

Предлагаемыя здѣсь научныя показанія профессора Вондрака, представленныя имъ на 15-мъ засѣданіи означеннаго суда, 7 іюля 1915 г., извлечены нами полностью и буквально изъ стенографическаго отчета о послѣднемъ (т. VI, стр. 1420—1463), причемъ, въ видахъ большей достовѣрности и точности текста, съ одной стороны, а самой широкой доступности его, какъ для русскихъ, такъ и для инородныхъ читателей, съ другой, воспроизводимъ послѣдній параллельно — въ нѣмецкомъ оригиналѣ и въ возможно точномъ переводѣ на русскій языкъ.

Съ признательностью слѣдуетъ отмѣтить, наконецъ, что этотъ подлинный, нѣмецкій текстъ былъ специально для настоящаго изданія любезно просмотрѣнъ и выправленъ самимъ-же авторомъ, который кромѣ того снабдилъ его также еще особой вступительной замѣткой, придающей ему, безъ сомнѣнія, сугубо устойчивый и живой интересъ.

Въ общемъ эти знаменательныя показанія выдающагося славянскаго ученаго, обстоятельно и всесторонне излагая простыми и ясными словами всю сложную сущность вопроса, не нуждаются, конечно, ни въ какихъ особыхъ поясненіяхъ и дополненіяхъ по существу. Можно-бы, пожалуй, тамъ и самъ нѣсколько болѣе выдвинуть или распространить тотъ или другой отдѣльный моментъ, слѣдовало-бы, быть можетъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ усилить показательность примѣровъ и углубить ихъ значеніе и фонъ, но это все уже лишь частныя детали и черты, которыя ничего не прибавили-бъ по сути къ стройной и неотразимой убѣдительности и силѣ научныхъ выводовъ и положеній автора еамихъ по себѣ. Въ крайнемъ случаѣ тутъ оставалось-бы только такъ или иначе пополнить естественный внѣшній пробѣлъ даннаго изустнаго текста, допущенный, конечно, въ связи съ особыми условіями его происхожденія и назначенія для суда, а именно, совершенное отсутствіе въ немъ научной литературы и цитатъ, — въ виду чего мы и позволяемъ себѣ ксати хоть въ общихъ чертахъ указать въ примѣчаніяхъ на важнѣйшіе научные труды, какъ по нѣкоторымъ частнымъ, затрагиваемымъ попутно, его моментамъ, такъ и по самому этому главному и основодержавшему вопросу вообще.

Ю. Яворскій.

ÚVODEM.

V této politické při, vedené řízným vojenským soudem, obráží se zřejmě to, co můžeme i jinde pozorovati v životě národů. Příslušníci nějakého jazyka neb nářečí, kterého se ještě neuzívá též jako spisovného jazyka, uznají za dobré, — vychází myšlenka ta ovšem ze středu jejich inteligentů — povýšiti své vlastní nářečí na spisovný jazyk. Může se to všelijak odůvodňovati a mohou býti zajisté i velmi závažné příčiny pro to, kterých nelze jen tak lehce vyvrátiti. A přece jest to krok, který by měli právě inteligenti, o to se zasahující, s největší opatrností všestranně uvážiti.

Míti již spisovný jazyk, který není docela cizí vlastnímu nářečí, tak že se mu může ve školách snadno přiučiti, který má svou tradici a svou literaturu, jest ohromnou výhodou a neocenitelným pokladem, neboť všecko to, co bylo psáno jazykem tím, je zároveň též majetkem všech, kteří jazyk ten mají za spisovný. A vzdáti se takového pokladu — může si jen tak lehce někdo vzíti na svědomí? A je si též každý, kdo je pro zavedení nového spisovného jazyka, vědom všech potíží, s kterými je vytvoření nového spisovného jazyka spojeno? Co se promrhá práce ku př. jen při tvoření nových vědeckých terminů, neboť ty musí býti též z brusu nové, a uchovej bůh, aby snad připomínaly někde dosavadní spisovný jazyk, proti němuž se vytvoří, většinou uměle, jakási animosita a nechut'. Nový spisovný jazyk je konečně jakž takž vytvořen, ale národ je ochuzen. Národ ve své ješitnosti je hrdý na svůj nový majetek, ale nepomýšlí na to, co ztratil, že si naválel nerozvázně kamení na cestu, která ho dříve vedla snadno k starým neocenitelným pokladům.

Ohromnou cenu nějakého všeobecného jazyka, nad nářečími třeba dost početnými stojícího, vidíme právě u německého národa. Co je tu protiv mezi severem a jihem, východem a západem, co do náboženství, povahy, tradic atd., a přece všechny tyto heterogenní částky, jinak divergující, drží mocně pohromadě jednotný spisovný jazyk, kterému se naučili ve školách, — a spisovnému jazyku musí se všude učit ve školách. Lidé, ovládající jen své nářečí, — kdyby bylo ještě takových negramotníků v Německu, — by mu ani nerozuměli. A kdyby zde přece nastala nějaká roztržka, byla by jen pomíjejícího rázu, trhlinu by zas brzy sklížil mocný spisovný jazyk. Jaká to kouzelná moc spisovného jazyka s bohatými tradicemi a velkou, světovou literaturou! Hic disce!

V Brně, dne 15 listopadu 1923 r.

Václav Vondrák.

Введеніе.

Въ настоящемъ политическомъ спорѣ — передъ лицомъ суроваго военнаго суда — наглядно отражается все то, что можно наблюдать и въ другихъ случаяхъ въ жизни народовъ. Приверженцы какого-нибудь языка или нарѣчія, не употребляющагося еще въ качествѣ литературнаго языка, считаютъ умѣстнымъ, — происходитъ же эта мысль обыкновенно изъ среды ихъ интеллигенціи, — возвысить свое родное нарѣчіе до степени литературнаго языка. Могутъ быть представлены для этого тѣ или другія основанія, могутъ даже на самомъ дѣлѣ существовать для этого весьма важныя причины, которыхъ нельзя ужъ такъ легко отвергать. И все-таки это такой шагъ, надъ которымъ стремящіеся къ нему интеллигенты должны-бы раньше призадуматься съ величайшей осмотрительностью и всесторонне.

Обладать готовымъ литературнымъ языкомъ, который не совсѣмъ чуждъ родному нарѣчію, такъ что ему легко можно выучиться въ школахъ, который имѣетъ свою традицію и свою литературу, — является огромнымъ удобствомъ и неоцѣнимымъ сокровищемъ, такъ какъ все то, что написано на этомъ языкѣ, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ также достояніе всѣхъ, кто пользуется имъ въ качествѣ литературнаго языка. И можно-ли такъ легко принять на свою отвѣтственность отказъ отъ подобнаго сокровища? И признаютъ-ли всѣ тѣ, кто стремится къ введенію новаго литературнаго языка, всѣ трудности, съ которыми соединено его созданіе? Сколько усилій потратится зря, на примѣръ, на одно только образованіе новой научной терминологіи, такъ какъ, вѣдь, и она тоже должна быть совершенно новой и сохрани Богъ, чтобы хоть сколько-нибудь напоминала прежній литературный языкъ, по отношенію къ которому создается вдругъ, большей частью — искусственно, какая-то антипатія и вражда. И если даже въ концѣ концовъ и образуется кое-какъ этотъ новый литературный языкъ, то народъ остается тутъ все-же въ убыткѣ. Самонадѣянно кичась своимъ новымъ пріобрѣтеніемъ, онъ не принимаетъ во вниманіе того, что имъ утеряно при этомъ, не соображаетъ, что онъ безразсудно завалилъ себѣ камнями путь, который прежде привольно велъ его къ неоцѣнимымъ старымъ сокровищамъ.

Огромная цѣнность такого общаго языка, стоящаго надъ частными, даже довольно крупными нарѣчіями, видимъ наглядно у нѣмецкаго народа. Сколько здѣсь противорѣчій между сѣверомъ и югомъ, востокомъ и западомъ, во вѣроисповѣданіи, характерѣ, традиціи и т. д., а все-таки всѣ эти разнородныя и расходящіяся врозь частицы крѣпко соединяетъ единый литературный языкъ, который всѣ изучили въ школахъ, — литературному же языку вездѣ должно учиться въ школахъ. Люди, владѣющіе однимъ лишь своимъ нарѣчіемъ, — если-бы подобные невѣжды нашлись еще среди нѣмцевъ вообще, — вовсе даже не понимали-бы его. А если-бы здѣсь все-таки возникла какая-нибудь распря, то таковая была-бы только скоропреходящей, — эту трещину тотчасъ опять склеилъ-бы могучій литературный языкъ. Та-кая-то волшебная сила литературнаго языка съ богатыми традиціями и великой, міровой литературой! *Nic disce!*

Брно, 15 ноября 1923 г.

Вацлавъ Вокдракъ.
